

Глава 12

Это были самые обычные слова, но, сложенные вместе, они превращались в нечто совершенно непостижимое для Сюй Юйляня.

Он замер у двери, в замешательстве нахмутив тонкие брови. Юй Цичу, глядя на его поджатые губы и молчание, расценил это как молчаливое признание.

Рука мужчины, лежавшая на столе, внезапно сжалась в кулак так сильно, что на ней проступили вены. Юй Цичу с трудом сохранял бесстрастное выражение лица, и лишь заметив, что Юйлянь невольно попятился, заставил свой голос звучать ровно:

— Можешь сказать брату, кто это?

Юй Цичу сейчас выглядел вполне обыкновенно — совсем не так, как в ту пугающую ночь. Юйлянь немного успокоился и, помешкав, кивнул.

— Учителя из съёмочной группы, сестрица Сяо Чжоу, Учитель Су...

Он сделал паузу и добавил:

— И ещё ты, брат.

Сюй Юйлянь перечислил всех, с кем столкнулся за последнее время, а затем с искренним непониманием переспросил:

— Разве есть кто-то, кто меня не любит? Зачем им меня обманывать?

Он выглядел совершенно неопытным в подобных делах. Юй Цичу лишился дара речи.

Мужчина поднялся и подошёл к шкафу вслед за Юйлянем.

— Должно быть, я ошибся, — мягко пояснил он. — Вчера вечером, когда я пришёл принести тебе фонарик, тебя не было в комнате. — Юй Цичу смотрел на профиль юноши, и в его голосе больше не было той напускной строгости старшего. — А после того, что случилось сегодня утром, я просто испугался, что тебя кто-то обижает.

Расставаясь на берегу, Юй Цичу действительно упоминал о фонарике. Он помнил, как утром Сюй Юйлянь признался, что боится темноты. Электричество в деревне работало с перебоями, а частые ливни делали дорогу непроходимой и опасной в сумерках. Без хорошего света здесь было не выжить. Но в ту ночь Юйлянь, увлечённый погоней за странными светящимися

точками, ушёл один, и они разминулись.

Юйлянь, закусив губу, выудил из шкафа кофту с длинным рукавом. Слова Юй Цичу об «обмане» и «обидах» эхом отдавались в его ушах, и от недавнего страха не осталось и следа — лишь кончики ушей залились пунцовой краской от смущения.

Неужели он и впрямь кажется таким беззащитным?

— Никто меня не обижает, — пробормотал он, примерив кофту. — Просто в тот день у меня было задание, и я вернулся поздно.

В вопросах «миссий» Маленькая бабочка уже научилась помалкивать о лишнем. Полуправда всегда звучит убедительно, и Юй Цичу, кажется, не заподозрил неладного. Он принял одежду из рук юноши.

— Вот и славно. Куда вы сегодня отправитесь?

— В персиковый сад.

Юйлянь помнил, что по сценарию он должен быть близок к Синему-3. Подумав о том, что их распределили в разные группы, он нерешительно спросил:

— А вы?

— Кажется, мы спускаемся к подножию горы, — Юй Цичу наклонился, чтобы поправить воротник на одежде Юйляня. На его губах заиграла едва заметная улыбка. — А что такое?

— Было бы здорово оказаться в одной группе с тобой, брат.

Ресницы Сюй Юйляня дрогнули, а в повлажневших глазах промелькнула тень надежды.

— Мне кажется, с тобой как-то... спокойнее.

Рука Юй Цичу, разглаживавшая складку на его плече, замерла. Юйлянь чуть приподнял голову. Они стояли так близко, что стоило одному из них шевельнуться, и их носы соприкоснулись бы.

— Наверное, это потому, что ты всё умеешь делать лучше всех.

Слова, слетевшие с его розовых губ, подействовали на Юй Цичу подобно внезапному ливню в конце весны, который безжалостно сбивает нежные лепестки цветов, предвещая долгое,

изнурительно знойное лето. Ослепительный свет снаружи падал к их ногам, и само дыхание в комнате, казалось, стало горячим.

Проводив взглядом уходящего юношу, Юй Цичу дождался, пока тот скроется из виду, и снова поднял чашку.

Тени от листвы дрожали, солнечные блики плясали на полу, а когда широкий рукав его черной шелковой рубашки соскользнул вниз, открылись испещренные синеватыми следами от укулов вены.

Всю жизнь для него не было разницы между «жить в муках» и «жить в ожидании». Точно так же он не делал различий между временами года, разве что лето ненавидел особенно сильно. Лето — дурная пора: время иссушенной земли, гложущего голода и жажды.

Юй Цичу закрыл глаза. Ему казалось, он всё ещё чувствует на коже тёплое дыхание юноши. Оно было подобно ласковому солнцу или легкому ветерку — совсем не то «прекрасное», что хранилось в его памяти.

Сама мысль о жизни обрела для него новый смысл. Теперь он и сам жаждал своими глазами увидеть то лето, что принёс с собой Сюй Юйлянь.

Персиковый сад раскинулся на склоне холма неподалёку от въезда в деревню. От подножия до середины горы тянулись бесконечные ряды деревьев, обнесённые невысокой каменной кладкой. Кое-где виднелись участки голой земли — местные жители объяснили, что там высажена рассада овощей, которая ещё не успела проклюнуться.

По дороге Вэнь Сюци обернулся и заметил, что Сюй Юйлянь незаметно отстал от группы и бредёт в самом хвосте. Он поспешно подхватил юношу под локоть и вывел обратно на тропинку.

— О чём ты так задумался, что даже под ноги не смотришь?

— Ни о чём я не думал, — неуверенно возразил Юйлянь.

Обычно Сюй Юйлянь сам снимал других, и теперь, когда камеры были направлены на него, он чувствовал себя не в своей тарелке, то и дело сбиваясь с шага. Стоило ему взглянуть на спутников, как он виновато прикусил язык.

Вэнь Сюци и Цзе Цзинлянь несли на спинах тяжелые бамбуковые корзины со всем необходимым, в то время как Сюй Юйлянь, если не считать кофты с длинным рукавом, не взял с собой ровным счетом ничего. Незнакомый человек легко мог принять его за праздного

туриста, вышедшего на прогулку.

Юйлянь посмотрел на Вэнь Сюци и, решив проявить инициативу, потянул того за руку:

— Давай я помогу тебе нести корзину?

— С чего бы это? — Вэнь Сюци со смехом легонько ущипнул его за щеку. — Ты посмотри на себя: эта корзина почти с тебя ростом. Боюсь, стоит тебе её надеть, и ты сразу опрокинешься навзничь. Гора крутая: если упадешь на полпути, кубарем до самого подножия докатишься.

Малыш, впервые оказавшийся по ту сторону камеры, явно стеснялся. Видя, что юноша не находит себе места без работы, Вэнь Сюци сдался и всучил ему рабочие перчатки.

— Малыш, ты такой прилежный переносчик перчаток!

— Тебе положено просто быть красивым! Пусть эти двое пашут!

— Тоже хочу ущипнуть Сяо Суй-лаоши за щечку... такая белая и мягкая на вид.

Снаряженные корзинами, они добрались до центра сада. Сегодняшняя задача была проста: до полудня наполнить обе корзины доверху.

В саду оказалось не так жарко, как ожидалось. Могучие персиковые деревья своими густыми кронами надежно укрывали землю от палящего солнца, создавая приятную прохладу. Пока Вэнь Сюци отправился вглубь сада на разведку, Суй Юйлянь и Цзе Цзинлянь остались на месте.

Прилежный «переносчик перчаток» протянул инвентарь Цзе Цзинляню и уже собрался надеть свою пару, когда перед его лицом появилась бутылка воды.

— Пей.

Цзе Цзинлянь, всю дорогу хранивший угрюмое молчание, теперь сидел перед ним на корточках с открытой бутылкой в руках. Выглядел он при этом крайне недовольным и, заметив взгляд Юйляня, лишь раздраженно вскинул брови:

— Чего замер? Пей, говорю.

Юйлянь качнул головой, уклоняясь от бутылки. Упершись ладонями в землю, он поспешно замахал руками:

— Я не хочу пить.

Лицо Цзе Цзинляня мгновенно потемнело.

— Как хочешь, — буркнул он.

Путь от подножия был неблизким. И хотя персики росли и внизу, лучшие плоды всегда созревали здесь, на середине склона. Подъем в гору отнимал куда больше сил, чем обычная ходьба, и когда Сюй Юйлянь поднимал голову, Цзе Цзинлянь видел, что его алебастровая кожа покрыта бисеринками пота. Влажные пряди волос прилипли к тонкой шее — юноша явно изнывал от жары.

Цзе Цзинлянь, который всю дорогу шел следом, видел это яснее ясного. Он злился на самого себя. Сначала сам же твердил, что не хочет быть в одной группе, а теперь, оказавшись рядом, лезет с заботой, которую даже не замечают.

— Сиди здесь и смотри, как мы работаем, — Цзе Цзинлянь поставил воду рядом с Юйлянем и, сорвав с себя куртку, бросил её прямо на землю. — А то еще полезешь на дерево, упадешь и разревёшься.

Юйлянь почувствовал в его словах неприкрытое пренебрежение. Он ничего не ответил, лишь сердито надул щеки, но, не решившись возразить, поднялся и отправился вслед за Вэнь Сюци.

— Пойду отнесу перчатки.

Брошенная в траву бутылка и куртка остались лежать в одиночестве. Кинооператор, наблюдавший за этим безмолвным спектаклем одного актера, не удержался и отправил сообщение в чат.

— Это кто тут смеет так разговаривать с нашей королевой? Срочно в бан!

— По какому праву он орет на нашего малыша!

— Брат, упадет он или нет — вопрос второй. А вот когда его сердце выберет другого, рыдать будешь ты.

— Всю дорогу глаз с него не сводил, а теперь хамит? Поделом, что гость его игнорит.

С подножия горы было трудно оценить истинные размеры сада. Огромные дикие деревья, росшие здесь веками, почти полностью закрывали небо, переплетаясь с высаженными позже персиками. Если не знать дороги, можно было легко заплутать и даже не заметить, где кончается сад и начинается лес.

На Сюй Юйляне была закреплена микро-камера, поэтому операторы за ним не пошли. Пройдя немного, он оглянулся и понял, что больше не видит места стоянки, но и Вэнь Сюци поблизости не было. Сюй Юйлянь уже потянулся за телефоном, чтобы отправить сообщение, когда услышал впереди хруст сухих листьев.

Глаза его радостно блеснули, и он поспешил на звук.

— Вэнь Сюци... — Юйлянь осекся.

Прямо перед ним, на сочной зелени травы, валялись охапки бурого, склизкого речного мха — они выглядели здесь чужеродно и зловеще, словно их только что выудили со дна глубокой реки. В воздухе разлился тяжелый, тинный запах воды, и Юйлянь, сжимая в руках перчатки, невольно вздрогнул.

Вэнь Сюци сидел на корточках перед этой странной кучей, сосредоточенно что-то изучая. Заметив Юйляня, он резко выпрямился.

— Зачем ты сюда пришёл?

<http://bllate.org/book/16122/1583155>